

Глава 440: Будь оптимистичным о тех цветениях слив на много лет

Священник Синь вдруг осознал, что цветения слив, наполняющие комнату, излучали прохладу, хоть и большинство цветков слив любили холод. Для того, чтобы прогнать этот холод, он с трудом выдавил улыбку и продолжил пересказывать волнения, окружающие Ортодоксальную Академию. Он с особой тщательностью описал, что после того, как Чэнь Чаншэн принял вызов для Ортодоксальной Академии, Четыре Великих Рынка быстро среагировали и сконструировали навес у входа на Аллею Сотни Цветений. Более того, Четыре Великих Рынка в этот самый миг собирали серебро для ставок.

«Похоже, что не так много людей делают ставки, как во время Великого Испытания», - Мэй Лиша улыбался, когда говорил.

Священник Синь не понимал. Хотя эта битва между Чжоу Цзыхэном и Чэнь Чаншэном привлекла взгляды многих, как ее можно было описывать на том же уровне, что и Великое Испытание? В следующий миг он наконец-то вспомнил что-то. Во время Великого Испытания, когда никто не был оптимистичен насчет Чэнь Чаншэна, он поставил все свое имущество на Чэнь Чаншэна - потому что архиепископ был оптимистичен насчет юноши.

«Я понимаю, - он улыбнулся архиепископу и сказал, - через некоторое время я попрошу кого-то сделать ставку».

Весь Дворец Ли знал, что после отправки Ортодоксальной Академии на путь восстановления, Священник Синь стал доверенным помощником Архиепископа Мэй Лиша. Его отношение к делам было отношением архиепископа. В Великом Испытании этого года, когда Священник Синь поставил все свое имущество на Чэнь Чаншэна, каждый священник в Департаменте Духовного Образования из страха, что на них посмотрят, как на не поддерживающих Чэнь Чаншэна, тоже поставил огромные суммы денег на юношу.

Это было невероятное количество серебра.

Окончательная потеря Рынка Небесного Благоухания была настолько жалкой, потому что, кроме того стойкого и вызывающего нападения Вэньшуй Тангов, он должен был выплатить выигрыш всем священникам Дворца Ли.

Услышав слова Служащего Синь, Мэй Лиша начал смеяться, а затем начал кашлять. Комната резонировала болезненными звуками кашля. Спустя долгое время они прекратились. Устало хватаясь за дыхание, Мэй Лиша выглянул за окно и грустно сказал: «Изначально я хотел увидеть, как далеко прогрессировал Чэнь Чаншэн. К сожалению, похоже, что я не смогу увидеть этого».

Для Чэнь Чаншэна завтра будет первым разом после Великого Испытания, когда он формально продемонстрирует свою силу и культивацию. Изучение монолитов в Мавзолее Книг, поддержание неба в Саду Чжоу, путешествие с Су Ли на спине и побег из заснеженных равнин владений демонов, возвращение на юг... все вещи, которые он изучил и познал за эти дни, будут продемонстрированы завтра.

Он вот-вот даст полный отчет и продемонстрирует все, что он получил, тем людям, которые беспокоились за него.

Завтра будет совершенно новым днем для него.

Однако, для Мэй Лиша не будет завтра.

Священник Синь вдруг почувствовал, что его ноги обмякли. С большим трудом он подошел ближе и взглянул на спокойное выражение на лице архиепископа, но его нервы не дали ему сказать что-либо. Весь Департамент Духовного Образования был быстро поглощен нервной атмосферой, и новости были направлены в каждый угол столицы.

Кровавые пятна прошлого года давным-давно исчезли с площади Департамента Духовного Образования, но ряд кленов был красным, как кровь, как будто строгая и серьезная осень наступила рано. Как оказалось, это было наступление сумерек.

Какая бы интерпретация это не была, в конечном итоге они обе были зловещими, пробуждая меланхолию в других.

Так как осень уже пришла, могла ли мертвенная неподвижность зимы быть далеко?

С приходом сумерек, не была ли ночь прямо перед глазами?

Когда наступила ночь, и лампы были ярко зажжены, Чэнь Чаншэн быстро добрался до Департамента Духовного Образования. Игнорируя приветствия священников, он быстро поспешил в ту комнату сзади здания.

Комната все еще была наполнена цветениями слив, но многие из них уже не были такими расцветающими. Уже были видны признаки увядания.

«Я собираюсь умереть», - Мэй Лиша посмотрел на юношу. Его голос был настолько мягким, что казалось, как будто он боялся напугать маленького ребенка.

Чэнь Чаншэн бесчисленные разы раздумывал над жизнью и смертью, и много раз считал, что может видеть сквозь них, как в тот раз, когда он сталкивался с Черным Драконом, или в тот раз в Саду Чжоу. Он даже верил, что познал истинный смысл жизни, как те, кто говорил, что больше всех боится смерти, часто были людьми, которые меньше всего боялись смерти, или как было много раз в жизни, что лишь не боясь смерти, можно было избежать ее, и лишь поставив жизнь на кон, можно было продолжать жить.

Но сейчас, когда он смотрел на пожилого архиепископа, юноша вдруг осознал, что эти его мысли все еще не были полными, потому что он никогда не думал, что если у человека нет врагов, или если враг - это время, то как с ним сражаться? Когда приходит смерть, как можно сохранять спокойствие? Он не знал, так что не знал, что сказать в этот раз.

Мэй Лиша посмотрел на него и улыбнулся. Не продолжая эту тему, он спросил: «Как ты считаешь, каковы твои шансы на успех завтра?»

Возможно потому, что смерть была на грани прибытия, а время было настолько коротким, сегодня архиепископ говорил очень прямо.

Чэнь Чаншэн тоже был очень прямолинейным. Он сказал без малейших колебаний: «Сто процентов».

Мэй Лиша подумал, что он просто утешает его. Смеясь, он сказал: «Я думаю, что ты на самом деле много раз думал о том, почему я так хорошо к тебе отношусь».

Чэнь Чаншэн ничего не говорил. Конечно же, он думал об этом много раз, но не нашел ответа. Он знал, что это определенно было связано с очень большим делом, но он не хотел думать в этом направлении.

«Я скрывал некоторые вещи и даже обманывал тебя, но ты должен верить в меня, верить в Его Святейшество, и верить в своего учителя»,

Мэй Лиша продолжил: «Возможно, будет много вещей, чей истинный облик отличается от внешнего вида, но это лишь поход другим путем. Окончательная цель никогда не менялась. Как и все то, что мы спланировали для тебя. В будущем может быть время, когда ты почувствуешь себя возмущенным, даже злым, но ты должен увидеть окончательную цель. Я верю, что несмотря ни на что, это не навредит тебе»,

Чэнь Чаншэн не совсем понимал смысла этих слов, но он понимал то, что хотел сказать архиепископ - эти два значения отличались. Пока результат был хорошим, процесс и методы для его достижения не были слишком важны. Мэй Лиша хотел сказать как раз это. Но говорил ли он о разуме или о действиях? Когда Чэнь Чаншэн взглянул на пожилое лицо Мэй Лиша, он более не хотел думать об этих вопросах. Он считал, что для старейшины, который вот-вот покинет этот мир, продолжать ставить под сомнение было исключительно жестоким действием. К тому же, он мог ощущать, что этот старейшина искренне думал о его благополучии.

С точки зрения всех, как на Фестивале Плюща, так и в Великом Испытании, Чэнь Чаншэн смог одержать окончательную победу и его имя смогло встряхнуть столицу, потому что человеком, которого он и Ортодоксальная Академия должны были поблагодарить больше всего, был как раз Архиепископ Мэй Лиша. До того, как Поп лично короновал Чэнь Чаншэна короной из шипов, Мэй Лиша был его единственным сторонником в мире, покровителем Ортодоксальной Академии. Было лишь естественно, что он был очень близок к Чэнь Чаншэну. Лишь сам Чэнь Чаншэн отчетливо понимал, что на самом деле он и Мэй Лиша встречались лишь пару раз. После его прихода из Синин в столицу все произошло слишком быстро, время текло слишком быстро. Без какого-либо предупреждения он и Ортодоксальная Академия пришли к этому дню, и архиепископ собирался умереть.

У них было мало встреч, учитывая, что они были разделены несколькими сотнями лет опыта, естественно, было невозможно сказать, что они были хорошими друзьями. Но юноша мог чувствовать доброту от сердца Мэй Лиша к нему, и даже большую... жалость, как будто Мэй Лиша знал его величайшую тайну, из-за чего в его глазах всегда было чувство извинения. Каждая эмоция была взаимной. Когда Чэнь Чаншэн смотрел на него на грани смерти, он не знал, чем может помочь. Он чувствовал себя довольно бесполезным и глубоко извиняющимся, настолько, что его глаза чуть-чуть увлажнились.

Мэй Лиша позволил Чэнь Чаншэну уйти. Он попросил Священника Синь войти в комнату и взять книгу из книжного шкафа.

В последние моменты своей жизни он все еще читал. Это было даосское писание с довольно старой обложкой.

Он читал ее в течение очень долгого времени, а затем закрыл книгу и выглянул из окна в темноту. Он пробормотал: «Директор Шан - действительно выдающийся человек».

Священник Синь не мог понять, почему архиепископ в это время упомянул бывшего директора Ортодоксальной Академии, даже если он только что встречал Чэнь Чаншэна, кто был студентом того человека.

«Интересно, - высушенный и тонкий палец Мэй Лиша дважды стукнул по книге, а затем он сказал, - мне очень интересно, как в Даосских Канонах будет записана жизнь следующего

Попа».

Священник Синь не понимал, не ожидая, что архиепископ будет озабочен большими делами Ортодоксии, которые произойдут после его смерти. Он спросил: «Как считает Ваше Высокопреосвященство, кто завтра выиграет поединок?»

Это была смена темы, но он также был действительно заинтересован этим. Это никак не было связано со всем ему имуществом, просто он действительно не понимал.

Во время Великого Испытания победу Чэнь Чаншэна можно было описать, как чудо.

Он прорвался в Неземное Открытие посреди матча, а затем использовал последнюю технику Стиля Меча Горы Ли, чтобы вынудить Гоу Ханьши признать поражение. Лишь таким образом он смог получить первый ранг на первом баннере.

Его завтрашним противником был Чжоу Цзыхэн, человек на стадии Конденсации Звезд. Он не мог повторить сцену Великого Испытания и прорваться в Конденсацию Звезд посреди матча. Чудо по определению было тем, что можно было невероятно редко встретить. Если чудо произойдет дважды за короткое время года, то это уже нельзя назвать чудом. Это называлось невозможностью. Как Священник Синь не смотрел на это, он не мог понять, действительно ли Чэнь Чаншэн верил, что у него есть шанс победы над Чжоу Цзыхэном. Он желал узнать, действительно ли архиепископ верил, что Чэнь Чаншэн сможет победить, или он просто надеялся в последние моменты своей жизни вдохновить немного уверенности в того юношу, сопроводить его немного дальше.

Лепестки постепенно завяли и упали, но ветки сливовых цветений оставались крепкими. Даже если их согнуть, даже если температура в комнате вдруг упадет и станет невероятно холодной, они не показывали и малейшего признака ломания.

Мэй Лиша посмотрел на цветок сливы на столе и улыбнулся: «Я все еще оптимистичен насчет Чэнь Чаншэна».

Чэнь Чаншэн сидел в большом зале Департамента Духовного Образования, рядом с ним была Лоло. Она ничего не говорила, а просто держала его руку. Священники стояли поодаль, не подходя и не тревожа их. Некоторые люди, как Чжоу Цзыхэн, иногда забывали о том факте, что этот юноша был Директором Ортодоксальной Академии, но эти люди никогда не могли забыть об этом. Более того, настроение было несколько угнетающим.

Спустя некоторое время Чэнь Чаншэн поднял голову и осознал, что зал был ненормально тихим. Эти священники куда-то исчезли.

Старик, одетый в пеньковую робу, тихо стоял в большом зале перед фреской на стене. Это был Поп.

Фреска была огромной, но это был лишь рисунок цветения сливы.

Аромат сливовых цветений возникал из горькой зимы. Будь это Ортодоксия, Храм Южного Потока или Секта Меча Горы Ли, при обучении следующего поколения все они размышляли подобным образом.

Чэнь Чаншэн встал и подошел. Уважительно поклонившись, он задал вопрос, который ставил его в тупик в течение многих дней.

Возможно потому, что эта ночь была особой, или может потому, что Мэй Лиша говорил настолько прямо с ним, вопрос, который он задал, тоже был очень прямолинейным.

«Почему Ваше Святейшество внезапно изменили свою точку зрения?»

Точка зрения, естественно, указывала на взгляд Попа на Божественную Императрицу, на Имперский клан, на мир.

Чэнь Чаншэн посмотрел в глубины великого зала и сказал: «Это, естественно, не может быть связано со мной, и я также не думаю, что это связано с ним».

<http://tl.rulate.ru/book/1222/116052>